

Моей матери

*Элизабет Микаэла Иде Анне Лоренц Кауфман,
без которой эта история не увидела бы свет.*

ГЛАВА

1

Камень

1991

Который час, ma chère? Опаздываю. Я, как ни странно, в полной растерянности. Нет, не из-за погоды — Нью-Йорк в ноябре никогда не вдохновлял, даже в лучшие времена. Нет, не из-за того, что зимние коллекции этого года болтаются на тебе, как на вешалке, и скучноваты. Просто не могу придумать, что надеть. А что тут удивительного, ma chère? Да, я знаю, как одеться к обеду в Белом доме, на показ мод или заседание правления, но эти события меркнут в сравнении с важностью сегодняшней встречи.

Нет, ma chère, не уходи. С тобой мне спокойнее... тебя это тоже касается. Эта встреча может изменить нашу жизнь. Но прежде мне нужно кое-что уладить. Да оставь ты те бумаги. Это мое завещание, я его перечитывала. Мне всего шестьдесят три — умирать в мои планы пока не входит! — но, сама понимаешь, люблю быть готовой ко всему. Как я уже сказала, встреча очень важная.

Тебе ведь знакома история этого дома? Обновля интерьеры, мы не тронули только эту ванную.

Никогда не встречала бизнесмена, который бы не считал каждый пенни. Люди, заработавшие состояние своим горбом, денег на ветер не бросают. Мои решения определяются, конечно, стилем, но также пониманием структуры, материала и функции. В дизайне одежды или

помещения, да во всем, главное — правильно подобрать материалы. Первым делом нужно разбираться в тканях и материалах, понимать их достоинства и недостатки. Мой выбор для этой ванной создает атмосферу.

Понимаешь, о чем я? Вся ванная выложена мрамором. Естественно, итальянским, но не потому что это моя родина, просто индийский мрамор пористый и так плохо поддается полировке, что, несмотря на непревзойденную красоту, его непрактично использовать в ванной.

Прекрасное создается только из подходящего сырья, иначе не поможет никакой дизайн. Этот же мрамор одновременно водонепроницаемый и красивый — видишь, он словно живой, с ручейками розового, красного, серого и белого, набегающими один на другой? Мне стоило немалых усилий отыскать самый бледный, самый розовый мрамор Arabescato Orobianco.

Не могу передать, сколько образцов я пересмотрела и на скольких складах, чтобы найти бледный оттенок. И ничто в мире не заставило бы меня рисковать этим мрамором, просто перенося по лестнице наверх, поэтому остановились здесь, на этой комнате. Она сильно отличается от ванной хозяина наверху. Там я представляла себе нечто величавое и безмолвное. По идее, хотелось показать, что мистер Джеймс Митчел не какой-нибудь дешевый выскочка, а человек с определенным положением, понимающий толк в красоте.

О каррарском мраморе речь не шла. Сделать всю комнату абсолютно белой? Это все равно что купить одежду от-кутюр из-за марки, а не фасона, пошива и ткани. Такое подойдет толстосумам, лишенным вкуса.

Мысли путаются. Я так волнуюсь, аж до тошноты. Ну ну. О чем бишь я? Ах да, вспомнила: *Breccia Oniciata* — вот что я выбрала для ванной наверху. Глянцевый бежевый мрамор с белыми, розовыми и сиреневыми вкраплениями и прожилками.

Свой образ нужно выбирать точно так же, как подходящий камень для облицовки и ткань для платья. Для деловой встречи продумать, насколько хотелось бы произвести впечатление, насколько обольстить. Если я намерена поразить деловой хваткой и силой еще с порога, то надеваю костюм от «Диора» или «Ива Сен-Лорана». Если хочу продемонстрировать свой творческий дух, мастерство и одаренность как кутюрье, то выбираю одежду, созданную своими руками. А если хочу отвлечь, пустив в ход женские чары, а потом обвести вокруг пальца, надеваю что-нибудь от «Шанель». И все это успеваю совершить, появившись и пройдя через комнату.

Но не сегодня вечером.

Нелепо, неправда ли, *ma chère*? Ты когда-нибудь видела, чтобы я ломала голову над тем, что надеть? Я никогда раньше не считала свой гардероб чрезмерным. Это все от страха и отчаяния. Я должна произвести нужное впечатление, но не знаю, с чего начать.

Обычно я начинаю с ткани, *ma chère*, главное — ткань. Этому я научилась, когда впервые сделала выкройку. Берешь одну и ту же выкройку для шерсти, шелка или хлопчатобумажной ткани или кроишь ту же самую ткань по косой или по долевой и получаешь каждый раз новый фасон. Ткань выбирается интуитивно. Хлопчатобумажная означает лето, лето подразумевает отдых. Льняная ткань похожа, но более утонченная. Она легко мнется, и нужна смелость не обращать на это внимания. Шерсть напоминает о зиме, уюте и защите от холода. Шелк хорош в любое время года и всегда говорит о богатстве и роскоши. Что касается нейлона и полиэстера... ну, из нейлона шьют нижнее белье, вяжут чулки, вот пусть так и остается под прикрытием — там ему самое место.

Из дома я ушла — там, кстати, даже душа не было, и купались мы только раз в неделю, по воскресеньям,

перед тем как пойти в церковь. Ушла, как говорится, с пустыми руками, если не считать потрепанного чемоданчика с двумя платишками да нижним бельем. Постепенно с помощью таланта и тяжелого труда я создала все это. И каждый день, каждый божий день, я иду в ванную и спрашиваю себя: как мне нужно сегодня выглядеть? С кем я встречаюсь? Чего хочу достичь? Начинаю с макияжа и прически, одеваюсь и, приведя себя в порядок, готова действовать, стараясь изо всех сил. Не полагаюсь на авось.

Из меня вышел бы отличный скаут.

Мне повезло — природная внешность в сочетании с манерами и осанкой, привитыми школой Диора, принесла плоды: я хорошо выгляжу в любой одежде. И тут ничего не поделаешь. Я элегантна даже в джинсах и футболке. Если у тебя есть стиль, он сохранится, что бы ты на себя ни натянула. Но сегодня вечером? Я понятия не имею, что будет к месту, что произведет впечатление. Просто не знаю. Расскажу-ка я тебе одну историю. Длинную. Историю своей жизни. Только тогда пойму, что надеть, как подготовиться. И ты мне поможешь.

Конечно, все началось с моей матери — все всегда начинается с родителей. Я далеко не сразу поняла, что людям даже с самыми благими намерениями свойственно ошибаться, и непредвиденные последствия их поступков зачастую оставляют в душе ребенка глубокий след.

Я не выдумываю, когда я была маленькой, жили мы небогато. В тысяча девятьсот тридцатые Италия была бедной страной, и в Альпах люди едва сводили концы с концами. Крестьяне кормились тем, что выращивали. Лыжный спорт и отдых в горах еще не вошли в моду.

В Бриксене, рыночном городке, расположенном в главной долине, которая вела к Мерану и Боцену, самым крупным городам Южного Тироля, не было даже магазина игрушек. Правда, в магазине одежды, в самой глубине, на задних полках был небольшой выбор. У нас, в Оберфальце, играли только деревянными фигурками, которые крестьяне вырезали, коротая долгие зимние вечера.

Когда мне исполнилось восемь лет, я получила от мамы на Рождество раскрашенную деревянную куклу. Платья на ней не было, но мне она все равно казалась красавицей. Я не выпускала ее из рук и назвала Элизабет, в честь маленькой английской принцессы, чей отец только что стал королем. С малых лет я умела шить и вязать. Учили не для развлечения, такие навыки были в жизни хорошим подспорьем. И вот, собрав остатки старых салфеток, полотенец и тканей, вечерами, когда мама не звала помогать в ресторане, стежок за стежком я шила наряды для своей принцессы. Сейчас уже и не вспомню, какой фасон был у первого платья, но тогда мне все нравилось.

Из старой салфетки я сшила ей платье с кружевным лифом впереди, потом белые хлопчатобумажные панталоны и нижнюю рубашку. Связала носочки, упорно сползавшие с ног, и жакет.

Когда новости о предстоящей коронации отца принцессы через местную газету «Доломиты» докатились и до нас, я порезала ярко-синий с крохотными желтыми цветочками шарф, идеально сочетавшийся с моим платьем с пышной присборенной юбкой, и сшила кукле для церемонии длинный наряд со шлейфом.

Сначала я держала куклу дома, но постепенно стала носить с собой: сначала в церковь, потом в ранце в школу. В ранец она едва влезала — ноги выпирали из-под крышки, — но я решила, что без образования будущей королеве не обойтись.

В мае, через неделю после коронации в Англии, я показывала подружке Ингрид Штимфель, как принцесса Элизабет торжественно шествовала за отцом.

Мы обсуждали, как бы пришить меховую оторочку к платью куклы. Накануне отец Ингрид принес кролика для тушенки, и она думала, что шкурка пройдет вместо горностая. Ингрид оживленно болтала, а я разглаживала шлейф кукольного платья, и вдруг она смолкла на полуслове и, смотря через мое плечо, растерянно застыла.

Я обернулась.

Сзади неслышно подкрался Руди Рамозер. Ему было всего тринадцать, но он был рослый, плотного телосложения, мускулистый, как крестьянин. К тому же смазлив — голубоглазый блондин, и чванлив без меры, ведь его отец считался самым богатым человеком в городке и приходился шурином бургомистру, герру Груберу.

— Du, Gitsch!¹ — крикнул мне Руди. — Во что играете? И, презрительно усмехнувшись, подошел поближе.

— В куклы, — ответила я, глядя снизу вверх и не отступая ни на шаг.

К грубиянам я привыкла.

— Это кукла? — хихикнул он и оглянулся, не смотрит ли кто. — Больше похоже на деревяшку.

Он был старше меня, вряд ли ему нужна была кукла, хотел добраться до меня. Такой же взгляд был у отца, когда тот напивался, и я твердо знала, что нужно держаться подальше.

— Она моя, — отходя назад, заявила я. — Я тебя не боюсь, ты просто Raudi².

— Это принцесса Элизабет.

Ингрид Штимфель — милая девочка, но соображает туго.

— Принцесса Элизабет.

¹ Девочка (нем.). — Здесь и далее *прим. перев.*

² Нахал, грубиян (нем.).

Он протянул руку к кукле, но я крепко прижала ее к груди.

— Дай-ка взглянуть, — тихо проворчал он, отцепляя мои пальцы от куклы один за другим и сдавливая их в руке.

Он вырвал у меня из рук куклу и ушел.

— Завтра скажу, какой выкуп хочу за куклу.

Ингрид расхныкалась. Руди с такой силой сжимал мои руки, что они побелели и местами покраснели. Я прикусила губу. Плакать нельзя. Не дождется.

Родители не уделяли нам много времени. Мама содержала Gasthaus Falsspitze¹, единственный бар и ресторан в Оберфальце. Она работала с утра до ночи не покладая рук. Кстати, это замечательное качество передалось и мне. Насколько отец был беспутным, настолько она терпеливой. Когда бар открывался, она ни минуты не сидела без дела, но обратиться было можно, а вот когда готовила, прерывать строго-настрого запрещалось.

Она полностью отдавалась магическому ритуалу и заведенному порядку: резала, терла на терке и помешивала, двигаясь в задумчивом ритме. Наблюдать за ней было одно удовольствие.

Когда я, запыхавшаяся и растерянная, вбежала в кухню, она готовила кнедлики. Перед ней на столе лежала гора черствого хлеба, и огромный нож так и мелькал в руках, пока она кромсала булки на мелкие кусочки. По стадии приготовления можно было сверять время. Сейчас, наверное, было немногим позже трех.

¹ Бар «Фальцшпице» (по названию горной вершины в Доломитовых Альпах).

— Мама, — не слишком решительно попыталась достучаться до нее я.

Помню, как металась между мучительным страхом потерять куклу и опасением помешать.

Лезвие ножа взлетело и опустилось — тук.

— Мама! — громче позвала я.

Она подняла глаза. Нож впился в подсохший хлеб.

— Мне некогда.

Из глаз у меня брызнули слезы.

— Руди Рамозер украл принцессу Элизабет.

— Кого? — после долгой паузы рассеянно спросила она.

— Мою куклу. Ту, что ты подарила на Рождество.

Она отложила нож и уставилась на меня.

— Так отбери.

— Но, мама, ему тринадцать. Он сильнее меня.

— Роза, это просто кукла. Мне некогда этим заниматься.

И снова взяла в руки нож.

На следующий день Руди Рамозер поджидал меня у выхода из школы. Он привалился к стене и болтал с какими-то мальчишками, но, увидев меня, отошел от них.

— Gitsch, хочешь вернуть куклу?

Он смотрел на меня невинными голубыми глазами, но говорил с издевкой.

— Хочу, — ответила я, не показывая страха.

— Тогда приходи к мосту. В три часа.

Ресторан располагался в самом центре, и дорога на Унтерфальц и Санкт-Мартин шла от площади, пересекала реку Фальц на выходе из городка.

После занятий в школе улицы городка пустели. Дети выполняли разные поручения и помогали по хозяйству, матери готовили ужин, а мужчины еще работали. Я была знакома с жильцами каждого дома, мимо которых проходила. Взглянула на фреску, изображавшую святого Георгия на доме Кофлеров, которой они очень гордились.

Как же я не догадалась взять с собой Кристль, сестру, или Ингрид. Хотя я была тепло одета — в шапку, шарф, перчатки и плотный вязаный жакет, — меня знобило.

Еще не дойдя до моста, я услышала мальчишечьи голоса. Руди с друзьями стояли внизу, на берегу реки, полной талой весенней воды и бросали через поток камни. Я остановилась у начала грязной тропинки, ведущей вниз, и огляделась. Элизабет нигде не было видно: ни на земле, ни у него в руках.

— Где моя кукла? — в отчаянии закричала я.

— Да вот она.

Он поднял руку. Принцесса Элизабет болталась на ветке нависшего над стремниной дерева.

— Я так высоко не достану! — сдерживая слезы, закричала я.

— Я сниму, — пообещал он.

Я молча ждала, но он не пошевелился. Вода, несущаяся по камням, брызгалась фонтанчиками, искрящимися под неяркими весенними лучами. Я прикусила губу — хулиганы не жалуют слабаков. Уступить я не собиралась.

— Сначала тебе придется кое-что для меня сделать.

Мальчишки перестали швырять камни и сгрудились вокруг него, будто овцы.

Я медленно спустилась по скользкой тропинке.

Руди на голову возвышался над друзьями, а я была меньше их всех.

— Верни куклу, — потребовала я.

— Придется заработать, — хитро улыбаясь, ответил он.